

Е.С. Волкова*

ВАУЧЕРНАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НА СТРАНИЦАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Используя художественные произведения в качестве исторического источника, автор анализирует отношение жителей Дальнего Востока к чековой приватизации и ее последствиям. Дальневосточные литераторы преимущественно характеризуют процесс разгосударствления имущества в негативном ключе – как обманную, грабительскую, преступную политическую акцию, рассматривая ее в общем контексте неолиберальных реформ и считая основным инструментом смены социального порядка. Многие авторы делают акцент на пренебрежительном отношении неолиберальных политиков к основной массе населения, пишут о резкой дифференциации по уровню доходов, которая привела к расколу в российском обществе, прогрессирующей конфликтности и росту криминогенности.

Ключевые слова: Дальний Восток России, рыночные реформы, приватизация, ваучер, писатели, художественная литература

Voucher privatization and its social consequences in the fiction of the Russian Far East. ELENA S. VOLKOVA (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia)

Using fiction as a historical source, the author analyzes the attitude of residents of the Russian Far East to voucher privatization and its consequences. Far Eastern writers predominantly characterize the process of denationalization of property in a negative way – as a deceptive, predatory, criminal political action, considering it in the general context of neoliberal reforms. Many authors focus on the disdainful attitude of neoliberal politicians towards the ordinary people, write about the sharp differentiation of population by the income level, which carved a deep rift in Russian society and led to an increase in crime.

Keywords: Russian Far East, market reforms, privatization, voucher, writers, fiction

Ваучерная приватизация 1992–1994 гг., ставшая первым этапом реформирования отношений собственности и, по сути, заложившая основы современной российской экономиче-

ской системы, явилась одной из самых ярких и шокирующих политических акций постсоветского периода. Три десятилетия спустя эта тема не теряет своей актуальности, оставаясь в

* ВОЛКОВА Елена Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, elenavolkova1@yandex.ru

© Волкова Е.С., 2024

фокусе внимания исследователей, политиков, журналистов. Судя по всему, именно начальный этап приватизации оставил в коллективной памяти наиболее глубокий след, поскольку в этот процесс были непосредственно вовлечены все граждане России. При этом отношение различных социальных групп к приватизации по-прежнему является малоизученным аспектом [5, с. 50], и данная работа призвана частично восполнить этот пробел. Мы придерживаемся подхода к историческому исследованию, сформулированного А.К. Соколовым: «История разворачивается не сверху, через восприятие “сильных мира сего” и не через официальный дискурс, воплощающий “язык власти”, а как бы “снизу” и “изнутри”...» По мысли Соколова, в центре внимания находится «человек, причем не сам по себе, а как элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма» [35].

Главным историческим источником в данном исследовании выступают произведения дальневосточной художественной литературы, созданные современниками рыночных реформ. Как правило, литератор не ставит перед собой задачу в точности воспроизвести событийный ряд освещаемого периода – основная ценность этой группы источников заключается в том, что они представляют собой живые свидетельства, воссоздающие повседневные структуры, транслирующие дух эпохи, общественные настроения, отношение соотечественников к историческим событиям и процессам в обобщенно-символической художественной форме. Подобная информация представляет безусловную ценность для историка, работающего в антропологическом ключе. Об этом пишет, например, Н.Б. Лебина, которая широко использует художественные тексты в своих исследованиях, концептуально следуя за Л.Н. Гумилевым, считавшим, что «каждое великое и даже малое произведение литературы может быть историческим источником... как факт, знаменующий идеи и мотивы эпохи...» Во многих случаях наиболее важной для историка становится «внешне второстепенная», по выражению Лебиной, информация, редко оказывающаяся в центре внимания рядового читателя [23].

Ю.М. Лотман называет художественный текст конденсатором культурной памяти, отмечая, что он «обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах. ...Для воспринимающего текст – всегда ме-

тонимия реконструируемого целостного значения» [24, с. 21]. Для проведения подобной реконструкции приходится тщательно настраивать и перенастраивать исследовательскую оптику. При анализе художественных произведений мы руководствовались методологическими положениями Х.-Г. Гадамера, призывающего историка работать с текстами так, как действует судебный следователь при опросе свидетелей: «Историк стремится заглянуть за тексты, чтобы добиться от них сведений, которых они давать не хотят и сами по себе дать не могут, ...стремится дополнить и проконтролировать текст, обращаясь к другим преданиям. ... Отдельные тексты вместе с другими источниками и свидетельствами объединяются для историка в единство предания в целом. Единство этого целого и есть его подлинный герменевтический предмет» [7, с. 399–401].

Разговоры о необходимости реформирования отношений собственности зазвучали в высших эшелонах власти со второй половины 1980-х гг., в 1990 г. обсуждение этого вопроса вышло в публичное пространство. Расшатывание советской идеологии в годы перестройки, кризис социальной политики и зарождение рыночных структур в условиях фактически сформированного потребительского общества подготовили базу для внедрения в общественное сознание идей приватизации [4, с. 132–133; 5, с. 49]. Исследователи констатируют, что в позднесоветский период дальневосточный социум двигался в русле общероссийских процессов [28, с. 460–465, 492, 786–793, 914–918].

Проводя разъяснительную кампанию, реформаторы говорили только об ожидаемых позитивных результатах приватизации, практически не касаясь минусов, акцентируя внимание на создании многочисленного класса частных собственников (которые, приобретя акции предприятий, будут получать стабильный доход), на повышении эффективности производства, создании конкурентной среды и привлечении инвестиций; СМИ в большинстве своем выступили в поддержку идей разгосударствления. Источники свидетельствуют, что реформа собственности изначально была воспринята большинством населения позитивно: переход к рыночным отношениям по западному образцу виделся как прямая дорога к благополучной и красивой жизни [4, с. 139]. Магаданский поэт А.А. Пчелкин с горькой иронией описывает, как, сидя перед телевизором и вдыхая «сладкий

дым рекламы», соотечественники предавались радужным мечтам: «...и заживет – от пуза! – Русь святая...» [31, с. 51].

Первоначально планировалось использовать именные приватизационные счета, которые должны были быть открыты в Сбербанке для всех граждан. Впоследствии реформаторы отмечали, что такая схема «была организационно трудно реализуема, могла привести к техническому коллапсу, блокирующему весь процесс приватизации» и, кроме того, «лишала эти банковские вклады важнейшего качества – ликвидности» [9, с. 65] (средства, зачисляемые государством на именные счета, могли быть только переданы по наследству), и от этой идеи вскоре отказались. В ноябре 1991 г. председателем Государственного комитета РСФСР по управлению госимуществом стал А.Б. Чубайс, который инициировал принятие новой программы приватизации и убедил руководство страны и, в частности, Б.Н. Ельцина остановить выбор на «обезличенных» приватизационных чеках (в обиходе получивших название «ваучеры»), которые разрешено было покупать и продавать без ограничений, дарить, обменивать, вкладывать в паевые и чековые инвестиционные фонды.

Соответствующий указ президента вышел в свет в августе 1992 г. [38], и уже с 1 октября стартовала выдача приватизационных чеков. Ранее слово «ваучер» (от англ. *voucher* – расписка) использовалось в основном в профессиональных кругах для обозначения документа, удостоверяющего получение денежных средств, товаров, услуг и пр. Широким слоям населения это слово стало известно только с началом чековой приватизации. В стихотворении А.А. Пчелкина читаем:

...Учим снова и снова,
Слитно и по слогам,
Рвотно-собачье слово
«ваучер» – словно – «Гав!» [31, с. 8]¹

Номинальная стоимость приватизационного чека оценивалась в 10 тыс. руб.² Глава Госком-

¹ По воспоминаниям современников, Б.Н. Ельцин тоже неприязненно относился к термину «ваучер». «Он просто запретил членам правительства употреблять на совещаниях это, по его мнению, неприличное слово, говорить следовало только о приватизационных чеках», – пишет Е.Т. Гайдар [8, с. 202].

² Впоследствии реформаторы неоднократно заявляли, что объявленная цифра – 10 тыс. руб. – была

мушества А.Б. Чубайс заявил, что один ваучер соответствует по стоимости двум автомобилям «Волга», и, судя по всему, это высказывание произвело впечатление на новоявленных россиян: пресловутые две «Волги» упоминаются и в художественной литературе. «Народ соблазнили новыми лозунгами, звали к лучшей жизни, но как жить, никто не знал», – констатирует приморский литератор А. Бондарь [3, с. 7]. Надеялись, что «рынок сам все отрегулирует» – в этом уверяли сограждан младореформаторы. Многие исследователи отмечают, что ваучерная приватизация была проведена реактивными темпами, в сжатые сроки [5, с. 48]. Изначально гражданам объявили, что срок действия чеков, выпущенных в 1992 г., истекает 31 декабря 1993 г., затем его продлили, но только до 1 июля 1994 г. «Эта скорость и натиск пропаганды ошеломили людей», – заключает историк А.С. Ващук [4, с. 144]. Многие просто не успевали осознать меняющуюся реальность, разобраться в новых экономических механизмах и отношениях собственности. Герой произведения хабаровского прозаика В.В. Сукачева констатирует, что приватизация проходила с «молчаливого согласия» широких слоев населения [36, с. 385–386], и здесь возможны две причины: первая – позитивное отношение к реформе собственности, надежды на повышение благосостояния (о чем мы писали выше), а вторая – растерянность, непонимание происходящего.

А.А. Пчелкин ведет счет потерям рядового дальневосточника Петрова, у которого в «лихие девяностые» не осталось «ни сберкнижки и ни крова, ни работы, ни жены», только «кепка, ваучер, штаны» – минимальный набор, побуждающий Петрова испытывать чувство вины перед Родиной за свое бедственное материальное положение [31, с. 58–59]. У другого персонажа А.А. Пчелкина семейная жизнь тоже трещит по швам, и не последнюю роль в этом играют новые социально-экономические условия. Герой сравнивает себя с ваучером – их объединяет бесполезность, никчемность:

...не заработал, не зашиб,
и не наторговал...
Скажи, какой же я мужик?
Одни штаны! Завал!..
Никто, ничто, ни для кого,
Я – ваучеро-чек.

условной, реальная стоимость ваучера зависела от конкретной приватизационной ситуации [8, с. 201].

Гайдар вот выдал мне его,
А что с того? А что с него
теперь получишь? Хек! [31, с. 48].

Многие не искушенные в экономических вопросах граждане, толком не уяснив, для чего нужен ваучер и что с ним делать, обращались к перекупщикам (более того, некоторые старались избавиться от приватизационного чека как можно скорее, опасаясь, что его стоимость «съест» инфляция [1, с. 22]). Об этом способе упоминает, например, сахалинский писатель А.С. Тоболяк в повести «Денежная история», приводя и курс доллара, и стоимость основных продуктов питания, что позволяет оценить порядок цен. Из текста можно заключить, что «перекупщики около ворот рынка» в Южно-Сахалинске в мае 1993 г. давали за ваучер 3,5 тыс. руб. (эта сумма была эквивалентна примерно 3,5 долларам) [37, с. 82], но современники описывают и такие случаи, когда неприятельный гражданин получал в обмен на приватизационный чек одну-две бутылки водки и был этим вполне удовлетворен. Биробиджанский литератор А.Л. Драбкин, вспоминая 1990-е гг., пишет о «лихорадке ваучеров, лихо пропитых и проданных россиянами» [18].

Герой автобиографического произведения благовещенца Е.П. Гончарова после получения ваучера обменял его «на акции чекового инвестиционного фонда, обещавшего построить международный мост через Амур»: «В том и другом случае был большой ажиотаж, и мне пришлось выстоять длинные очереди... После нескольких реорганизаций ЧИФ испарился» [10, с. 68–69]. А поскольку за ваучер все же был уплачен комиссионный сбор в размере 25 руб., герой твердой рукой включает его в длинный список своих бесполезных трат. Персонаж владивостокского прозаика В.О. Авченко тоже получил нулевой доход: его приватизационный чек «благополучно сгинул в “Русском доме селенга”» [2, с. 96].

Автобиографической героине владивостокского автора Т.А. Жариковой, вложившей ваучеры (свой и сына) в акции «энной организации», повезло немногим больше. «На годовые дивиденды можно купить только две булки хлеба», – констатирует она и, считая эту сумму оскорбительной, обрушивается с критикой на реформаторов: «До какой же степени нужно в очередной раз обмануть и раздавить унижением свой народ, затеяв с ним бесстыдную игру

на доверчивости, простодушии, на его экономической безграмотности, наконец» [20, с. 57–58]. Героиня Жариковой – женщина средних лет, преподаватель вуза, в годы реформ едва сводящая концы с концами – в оценке чековой приватизации не одинока: целый ряд литературных персонажей чувствуют себя обманутыми, одураченными реформаторами. «Краснобаям поверил народ», – сетует герой благовещенца П.М. Никиткина [27, с. 222].

Хабаровский прозаик А.В. Гребенюков, упоминая о финансовых пирамидах и аферах, которые проворачивали в 1990-е гг. «тысячи авантюристов», отмечает: «Самое же крупное и подлое дело, незаметное для глаз простых граждан, совершил ваучер, принеся сказочные состояния одним и оставив с носом других. Соотношение: один к тысяче. Наверное, это было самое великое надувательство в мире за всю его историю» [13, с. 195]. Таким образом, писатель ставит ваучерную приватизацию в один ряд с многочисленными мошенническими схемами, объясняя их широкое распространение в первые постсоветские годы «отсутствием законов и всеобщим пофигизмом» [13, с. 195]. В другом произведении Гребенюкова бульдозерист Сашка недоумевает: «Хорошо живут нынче эти новые русские. Только откуда такие деньжищи берут – неясно. Стартовали, вроде, все от одного ваучера. А поди ж ты, обошли на вороных» [15, с. 43].

«Все заводы за гроши приватизировали», – возмущается герой В.В. Сукачева [36, с. 385]. Судя по всему, здесь имеются в виду такие распространенные схемы, как занижение балансовой стоимости приватизируемых объектов или сговор о снижении цены предприятия. Действенных механизмов контроля за ходом приватизации в тот период не существовало, кроме того, руководство страны в 1990-е гг., по большому счету, не проявляло политической воли по привлечению к ответственности за нарушения, допущенные в ходе приватизации, или проявляло ее весьма избирательно. Народные неологизмы «прихватизация», «прихватизировать», фигурирующие в целом ряде литературных произведений дальневосточных авторов, со всей очевидностью демонстрируют отношение широких слоев населения к процессу разгосударствления имущества. В стихах А.А. Пчелкина встречается и другой вариант с той же эмоционально-оценочной окраской – «прив-аннулировать» [31, с. 62]. В.О. Авченко пишет о

людях, разоренных приватизацией [2, с. 299], называя ее «преступной в прямом смысле слова» [2, с. 213].

В повести магаданского автора В.М. Фатеева простой парень Колян (который «и торговал, и таксовал, и челночил, ... в моря ходил, на скорой трубил») приходит к выводу, что «ваучеры эти – народу глотку заткнуть, как же, по две «Волги» на каждого... Вместо «Волги» последние несчастные вклады и то захапали...»; «... Частную собственность объявили. И у народа все подчистую отняли! А что еще не отняли, отнимут! Побаловались, и будя!» [39]. Отметим, что реплика литературного героя, по сути, коррелирует с заключениями ряда исследователей, которые оценивают раздачу ваучеров как формальную акцию, организованную с целью придания приватизации государственных предприятий видимости общенародного характера (см., напр.: [1, с. 33]).

В тексте А. Бондаря читаем: «выделилась кучка приближенных к власти дельцов, ... обогатилась, “кинув” всю страну на приватизации» [3, с. 7]. «Большинство жителей обнищало, но зато сто десять новых русских стали олигархами», – говорит герой хабаровчанина К.В. Распутина [32, с. 226]. Возможно, жители дальневосточных территорий острее воспринимали несправедливость нового общественного порядка: зарплаты здесь в советский период были более высокими, но это объяснялось экстремальными природными условиями, неразвитой (или недостаточно развитой) социальной инфраструктурой, дороговизной жизни в регионе, перебоями со снабжением, бытовыми неудобствами и пр. В свою очередь, «новые русские» в 1990-е гг. в большинстве своем разбогатели слишком легко и чаще всего – незаконно, поэтому их стремительный взлет не имел морального оправдания в глазах основной части населения [12, с. 98–99]. Добавим, что показатели дифференциации доходов на Дальнем Востоке к середине 1990-х гг. ощутимо превышали среднероссийские [26, с. 55]. А.В. Гребенюков пишет о своей героине: «К “новым русским”, к тем, кто успел хапнуть и скопить за год-два большой капитал, она не относилась, а являлась представителем самой большой части населения – простофиль, то есть честных, порядочных, добродушных людей, короче – бедных, бедствующих на обширных и таких богатых просторах России» [15, с. 39]. Говоря о резком расслоении российского общества в результате рыночных

реформ, дальневосточные писатели, следуя традициям русской классической литературы, безусловно сочувствуют «простофилям» даже тогда, когда эти люди вовлекаются в деструктивные практики или, доведенные до самого края, совершают противоправные действия.

Литературных героев, которые выиграли от приватизации, в проанализированных нами художественных текстах не так много³; это представители советской номенклатуры и руководители промышленных предприятий. Так, в повести хабаровского литератора Н.В. Семченко отец главного героя, бывший работник крайкома партии, в годы реформ становится «директором небольшого заводика», получает неплохие дивиденды, может себе позволить приобретать дорогие, статусные товары и оплачивать своему сыну обучение в частной школе, куда ходят «отпрыски самых известных и уважаемых в городе людей» [33, с. 15]. В то же время отец директора, приходящийся главному герою дедом, демонстрирует диаметрально противоположное отношение к реформе собственности, категорично заявляя, что «всех олигархов, прихватизировавших народное имущество, надо в “Матросскую тишину” посадить, отменить итоги ваучеризации, ... и снова начать строить общенародное государство, где все равны» [33, с. 53].

Напомним, что А.Б. Чубайс в качестве оправдания итогов приватизации безапелляционно заявлял, что «для значительной части населения (80–90%) функции активного собственника противопоказаны вообще» [30, с. 353]. «Не тот народ правительству достался», – саркастически замечает в одном из стихотворений А.А. Пчелкин [31, с. 51]. Герой В.М. Фатеева так формулирует кредо реформаторов 1990-х гг.: «... Мы новое государство. Для новых русских... Березовских, ну там Гусинских... А все Ивановы пусть идут на рынок. На любой – китайский, вешевой, продовольственный, в крайнем случае на рынок труда, самый дешевый. Глядишь, за что-нибудь и продадут свои рабочие навыки и руки» [39]. Неудивительно, что при таком отношении простой народ, по словам А.А. Пчелкина, «то в Лившица недобрый кинет взгляд, / то матерком помянет А. Чубайса» [31, с. 51]. Целый ряд литераторов пишут о высокомерно-презрительном, а, по сути, бесчеловечном отношении

³ По данным социологических исследований, результатами приватизации были удовлетворены 10–12% россиян [25, с. 83].

реформаторов к соотечественникам. «Власть сняла с себя ответственность за людей, в этом истоки наших бед, – убежден герой С.В. Забаровой. – Та большая верхняя власть сказала – вы теперь сами по себе, и государства больше нет. ... Какие-то выживут – естественным отбором. В общем, мы в дремучий еврипидовский дарвинизм валимся» [21, с. 304–305]. В самом деле, неолиберальные политики фактически сделали ставку на естественный отбор – в частности, и Е.Т. Гайдар, и А.Б. Чубайс неоднократно заявляли, что обнищание и гибель людей, которые не способны адаптироваться к рынку, дело естественное. «Гайдар, Гайдар... Еще удар – / Хана моей семье», – сокрушается герой А.А. Пчелкина [31, с. 48]. В другом его стихотворении читаем: «Вымрем все. И туда дорога: / смерть ленивым, потрава злым» [31, с. 8]. Герой П.М. Никиткина рассуждает: «Это из ложной скромности у нас называют переход от социализма к капитализму мирным. Кто считал убитых и раненых при этом переходе? А скольких этот “мирный переход” еще сведет в могилу?» [27, с. 222].

Надежды на повышение эффективности производства и рост экономики в результате приватизации тоже не оправдались – более того, переход предприятий в частные руки зачастую давал обратный результат. Перед началом реформы законодательно не были прописаны требования к новым владельцам ни по развитию производственной базы, ни даже по сохранению профиля деятельности предприятий, технологических связей, рабочих мест [1, с. 26]. «Поскольку предприятия доставались приватизаторам практически даром, – пишет М.Г. Делягин, экономист, политик и публицист, – экономически рациональной политикой в условиях неопределенности было не их развитие, а, напротив, высасывание их, присвоение их оборотных средств с последующим выбрасыванием и распродажей по цене металлолома» [17]. Историки Л.А. Моисеева и А.С. Вашук отмечают, что на Дальнем Востоке среди новых владельцев предприятий преобладал именно такой, деструктивный тип: речь идет о собственниках, деятельность которых приводила к сворачиванию производства и распродаже основных фондов в целях личного обогащения [25, с. 95].

Подобные образы владельцев предприятий представлены и в художественных произведениях; литераторы связывают два процесса – приватизацию и деиндустриализацию,

отмечая, что упадок и закрытие промышленных предприятий оставляют тысячи людей без средств к существованию и во многих случаях способствуют деградации населенных пунктов (прежде всего, монопрофильных городов и поселков). «Два года назад вкалывал на заводе. А потом нас разогнали. Заводишко с молотка пошел. Коммерсантам сраным достался», – рассказывает герой А.В. Гребенюкова, вежливый мужчина среднего возраста в грязной одежде, проживающий в подвале хрущевки вместе с бездомными собаками [14, с. 233]. Персонаж произведения хабаровского писателя К.А. Партыки с грустью созерцает руины обогатительного комбината, который прекратил работу после приватизации. «Когда комбинат загибаться стал, создали акционерное общество, – поясняет герою коллега, начальник РОВД. – Приватизировали предприятие, провались они с такой приватизацией!» Далее следует рассказ про криминального авторитета по прозвищу Культия: «...Культишев сперва прижал директора комбината. Потом они спелись и из того, что от предприятия осталось, вдвоем деньги стали качать, а рабочих в неоплачиваемые отпуска отпраздники. Культишев магазины пооткрывал, какую-то фиговую благотворительность замутил, а сам на “джип” пересел... Когда выборы подошли, Культия подшустрил и в мэры пролез...» [29]. Таким образом, выгоду от приватизации получили директор комбината и присосавшийся к нему криминальный авторитет, рядовые сотрудники предприятия остались без работы, а городок, судя по всему монопрофильный, пришел в упадок. Отметим, что в дальневосточном регионе в годы рыночных реформ 90% городов, имевшие более 15 тыс. жителей, переживали процессы «сжатия» и убыли населения (при среднем показателе по РФ 56%) [19, с. 87].

Если в западных странах с развитой рыночной экономикой в частные руки передавались, как правило, отдельные предприятия с расчетом на повышение эффективности производства, то в России приватизация проводилась с целью радикального реформирования отношений собственности, и процесс разгосударствления затронул не только убыточные, но и доходные предприятия [25, с. 83]. Одной из официально декларируемых задач, которые ставили перед собой реформаторы 1990-х гг., было формирование класса собственников. Но собственность священна и неприкосновенна только тогда, когда она легитимна, отмечает социолог Р.Х. Си-

монян. Согласно результатам социологических исследований, большинство населения России не приняло итогов приватизации⁴, а это значит, что ни о каком уважении к частной собственности, оформившейся в результате этого процесса, не может быть и речи [34, с. 64]. О том же пишет и М.Г. Делягин: «...Приватизация, став инструментом сознательного разграбления общенародной собственности (то есть всего народа, что последний немедленно ощутил на падении своего жизненного уровня), не создала, а, напротив, уничтожила святость прав собственности и сделала крупную собственность в общественном сознании а priori преступной» [17]. Т.А. Жарикова характеризует время рыночных реформ как «период чудовищного перзахвата собственности» [20, с. 58], магаданские литераторы В.И. Данилушкин – как «период начального ограбления» [16, с. 67], В.В. Горбань – как «бурные годы павловско-гайдаровско-чубайсовских реформ и грабежей» [11, с. 39].

Но если собственность нажита нечестным путем, значит, отобрать и присвоить ее – не зазорно⁵. Резкая дифференциация российского общества и катастрофическое снижение уровня жизни большинства населения в период реформ стали важными факторами роста преступности. Чувствуя себя обманутым и считая, что социальные блага в государстве распределяются несправедливо, еще недавно законопослушный гражданин пытается решить свои материальные проблемы, нарушая закон. Так, герой В.В. Горбаня, выросший в интеллигентной семье, которая оказалась беспомощна в новой постсоветской реальности, вместе с другом «активно включился в процесс “экспроприации приватизаторов”» (в то же время автор отмечает, что друзья никогда не применяли насилие в отношении беззащитных и беспомощных людей) [11, с. 38–39]. Стремительная криминали-

зация российского общества в период рыночных реформ получила широкое отражение в художественных произведениях дальневосточных авторов, но это – тема отдельного исследования [6].

Подводя итог, отметим, что в дальневосточной художественной литературе ваучерная приватизация, поначалу воспринятая обществом положительно, постфактум преимущественно характеризуется как обманная, надувательская, грабительская, преступная; нейтральные оценки единичны, позитивные на момент исследования не обнаружены. Результаты социологических исследований подтверждают, что прозаики и поэты выражают точку зрения основной массы населения, и это вполне закономерно: в постсоветский период художественная интеллигенция теряет прежние привилегии и фиксированный социальный статус и становится ближе к народу. В 1990-е гг. литераторам, за исключением немногочисленных «звезд» (которых, заметим, в дальневосточном регионе не было вовсе), приходилось беспрерывно бороться за выживание, как и большинству соотечественников, и не все преуспели в этой борьбе.

В художественных произведениях мы видим, как рыночные реформы, проводившиеся реактивными темпами, шокировали людей, вынужденных в короткие сроки приспособляться к новой социально-экономической реальности. Многие литературные герои, поверив обещаниям неолиберального правительства и, вместе с тем, до конца не разобравшись в механизмах приватизации, стали жертвами всевозможных мошеннических схем или продали свои ваучеры перекупщикам, получив незначительный или вовсе нулевой доход.

Если сравнивать тематическое поле историков и литераторов, то можно отметить, что в художественных текстах на момент исследования не выявлено таких аспектов приватизации (получивших отражение в научных трудах), как протестные настроения на отдельных дальневосточных предприятиях, где работники выступали против акционирования, а также отношение к приватизации органов власти на местах.

Вписывая ваучеризацию в общий контекст рыночных преобразований, целый ряд литераторов называет ее основным орудием трансформации общественного строя и уделяет большое внимание социальным последствиям этой реформы, которые категорически не соответствовали радужным перспективам, нарисованным

⁴ Так, по данным всероссийского социологического опроса РНИСиНП 2001 г., 85% респондентов оценили ваучерную приватизацию отрицательно и только 7% – положительно, что дало основания авторам исследования отнести ее к числу травмирующих политических акций, отторгаемых национальным самосознанием [22, с. 53–54].

⁵ В ходе всероссийского социологического опроса РНИСиНП осенью 1995 г. 45,2% респондентов заявили, что поддержали бы изъятие у «новых русских» нечестно нажитых ими состояний с помощью насильственных мер (во Владивостоке за такой способ перераспределение собственности высказались 65,8% опрошенных) [12, с. 102].

неолиберальными политиками, и ожиданиям рядовых граждан. Обеспечить подъем производства, создать эффективную и при этом социально ориентированную рыночную экономику реформаторам не удалось: по большому счету, приватизация способствовала деиндустриализации и, как следствие, безработице, пауперизации населения, деградации населенных пунктов. Вместо того, чтобы неуклонно повышать свое благосостояние, став эффективными собственниками, миллионы людей переживали катастрофическое падение уровня жизни. Многие авторы литературных произведений делают акцент на пренебрежительном отношении неолиберальных политиков к основной массе населения, пишут о резкой дифференциации по уровню доходов, которая привела к расколу в российском обществе, прогрессирующей конфликтности и росту криминогенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 25 лет ваучерной приватизации в Российской Федерации: содержание, последствия, результаты: сборник докладов научно-практической конференции. Балашиха: РГАЗУ, 2018.
2. Авченко В.О. Правый руль. М.: Ад Маргинем, 2012.
3. Бондарь А. Осколки ледяных зеркал. Кн. 1. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011.
4. Ващук А.С. Инкорпорация идей реформы собственности в России и отношение дальневосточников к приватизации (первая половина 1990-х гг.) // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. Вып. 10. Благовещенск, 2023. С. 131–150.
5. Ващук А.С. Социальные проблемы приватизации в России 1990-х гг. в современной историографии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 4. С. 46–52.
6. Волкова Е.С. «Криминальные и погостные» 1990-е в художественных произведениях дальневосточных литераторов // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 22. С. 116–134.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
8. Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1997.
9. Гайдар Е.Т., Чубайс А.Б. Развилки новейшей истории России. М.: ОГИ, 2011.
10. Гончаров Е.П. «Злой» дворник. Чистая правда о грязной работе. М.: АСТ, 2016.
11. Горбань В.В. ...И будем живы. М.: Андреевский флаг, 2005.
12. Горшков М.К. и др. Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов // Мир России. Социология. Этнология. 1996. Т. 5. № 2. С. 75–116.
13. Гребенюков А.В. Ангел и бес (продолжение) // Дальний Восток. 1999. № 5–6. С. 171–219.
14. Гребенюков А.В. Интервью за углом // Дальний Восток. 1998. № 2. С. 232–235.
15. Гребенюков А.В. Ох, уж эти русские: повесть. Рассказы. Хабаровск: РИОТИП, 1998.
16. Данилушкин В.И. Магаданский синдром // Дальний Восток. 2009. № 6. С. 3–70.
17. Делягин М.Г. Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчак и Навального. М.: Книжный мир, 2016.
18. Драбкин А.Л. Творение архитектора Трахтенберга // Город на Бире. 2014. 31 декабря. С. 5.
19. Ефремова В.А. Отечественный и зарубежный опыт изучения городов, теряющих население: тематика, методы и центры исследований // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 86–99.
20. Жарикова Т.А. В проеме... Владивосток: Приморское общество книголюбов, 1996.
21. Забарова С.В. Ватыркан. СПб.: Петрополис, 2020.
22. Здравомыслов А.Г. Национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 48–54.
23. Лебина Н.Б. Хрущевка: советское и несоветское в пространстве повседневности. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
24. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
25. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006.
26. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 47–67.

27. Никиткин П.М. Русский берег. Благовещенск: Одеон, 2015.
28. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / Под ред. В.Л. Ларина, А.С. Вашук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016.
29. Партыка К.А. Проезжий. URL: <http://www.proza.ru/2009/07/21/203>
30. Приватизация по-российски. М.: Вагриус, 1999.
31. Пчелкин А.А. Непогодь: стихи перестроечных лет. Магадан: МАОБТИ, 2000.
32. Распутин К.В. Страдания по автомобилю // Дальний Восток. 2009. № 6. С. 226–229.
33. Семченко Н.В. Шотландская любовь по-французски. [Б.м.]: Издательские решения, 2015.
34. Симонян Р.Х. Российские экономические реформы 1990-х гг.: психологические аспекты // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 60–71.
35. Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999. С. 39–76.
36. Сукачев В.В. Избранные рассказы. Хабаровск: Дальний Восток, 2005.
37. Тоболяк А.С. Денежная история // Дальний Восток. 1994. № 10. С. 81–163.
38. Указ Президента РФ от 14.08.1992 № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации». URL: <https://bazanpa.ru/prezident-rf-ukaz-n914-ot14081992-h181848/?ysclid=lscpj7qzm5735307824>
39. Фатеев В.М. Золотая моль. Магадан: МАОБТИ, 2003.
4. Vashchuk, A.S., 2023. Inkorporatsiya idei reformy sobstvennosti v Rossii i otnoshenie dal'nevostochnikov k privatizatsii (pervaya polovina 1990-kh gg.) [Incorporation of the ideas of property reform in Russia and the attitude of the Far Eastern citizens towards privatization (the first half of the 1990s)]. In: Chteniya pamyati professora Aleksandra Aleksandrovicha Sidorenko. Vyp. 10. Blagoveshchensk, 2023, pp. 131–150. (in Russ.)
5. Vashchuk, A.S., 2017. Sotsial'nye problemy privatizatsii v Rossii 1990-kh gg. v sovremennoi istoriografii [Social aspects of Russian privatization of the 1990s in modern historiography], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 4, pp. 46–52. (in Russ.)
6. Volkova, E.S., 2019. «Kriminal'nye i pogostnye» 1990-e v khudozhestvennykh proizvedeniyakh dal'nevostochnykh literatorov [The «criminal and graveyard» 1990s in literary works of the Russian Far East writers], Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN, Vol. 22, pp. 116–134. (in Russ.)
7. Gadamer, H.-G., 1988. Istina i metod. Osnovy filosofskoi germenевtiki [Truth and method: fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moskva: Progress. (in Russ.)
8. Gaidar, E.T., 1997. Dni porazhenii i pobed [Days of defeats and victories]. Moskva: Vagrius. (in Russ.)
9. Gaidar, E.T. and Chubais, A.B., 2011. Razvilki noveishei istorii Rossii [Forks of the modern history of Russia]. Moskva: OGI. (in Russ.)
10. Goncharov, E.P., 2016. «Zloi» dvornik. Chistaya pravda o gryaznoi rabote [The «evil» janitor. The pure truth about dirty work]. Moskva: AST. (in Russ.)
11. Gorban', V.V., 2005. ...I budem zhivy [... And we will be alive]. Moskva: Andreevskii flag. (in Russ.)
12. Gorshkov, M.K. et al., 1996. Massovoe soznanie rossiyan v period obshchestvennoi transformatsii: real'nost' protiv mifov [The mass consciousness of Russians in the period of social transformation: reality versus myths], Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya, Vol. 5, no. 2, pp. 75–116. (in Russ.)
13. Grebenyukov, A.V., 1999. Angel i bes [Angel and demon], Dal'nii Vostok, no. 5–6, pp. 171–219. (in Russ.)

REFERENCES

1. Mozhaev, E.E. ed., 2018. 25 let vauchernoj privatizatsii v Rossiiskoi Federatsii: sodержanie, posledstviya, rezul'taty: sbornik dokladov nauchno-prakticheskoi konferentsii [25 years of voucher privatization in the Russian Federation: content, consequences, results: collection of conference papers]. Balashikha: RGAZU. (in Russ.)
2. Avchenko, V.O., 2012. Pravyi rul' [Right hand drive]. Moskva: Ad Marginem. (in Russ.)
3. Bondar', A., 2011. Oskolki ledyanykh zerkal. Kn. 1 [Fragments of ice mirrors. Book 1]. Vladivostok: Izd-vo DVFU. (in Russ.)

14. Grebenyukov, A.V., 1998. Interv'yu za uglom [An interview around the corner], *Dal'nii Vostok*, no. 2, pp. 232–235. (in Russ.)
15. Grebenyukov, A.V., 1998. Okh, uzh eti russkie [Oh, those Russians]. Khabarovsk: RIOTIP. (in Russ.)
16. Danilushkin, V.I., 2009. Magadanskiy sindrom [Magadan syndrome], *Dal'nii Vostok*, no. 6, pp. 3–70. (in Russ.)
17. Delyagin, M.G., 2016. Svetochi t'my. Fiziologiya liberal'nogo klana: ot Gaidara i Berezovskogo do Sobchak i Naval'nogo [Lights of darkness. The physiology of the liberal clan: from Gaidar and Berezovsky to Sobchak and Navalny]. Moskva: Knizhnyi mir. (in Russ.)
18. Drabkin, A.L., 2014. Tvorenie arhitekta Trakhtenberga [The creation of architect Trachtenberg], *Gorod na Bire*, December 31, p. 5. (in Russ.)
19. Efremova, V.A., 2015. Otechestvennyi i zarubezhnyi opyt izucheniya gorodov, teryayushchikh naselenie: tematika, metody i tsentry issledovaniy [Russian and international research on shrinking cities: themes, methods and centers], *Regional'nye issledovaniya*, no. 3, pp. 86–99. (in Russ.)
20. Zharikova, T.A., 1996. V proyome... [In the doorway...]. Vladivostok: Primorskoe obshchestvo knigolyubov. (in Russ.)
21. Zabarova, S.V., 2020. Vatyrgan [Watyrgan]. Sankt-Peterburg: Petropolis. (in Russ.)
22. Zdravomyslov, A.G., 2002. Natsional'noe samosoznanie rossiyan [The national identity of Russians], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 2, pp. 48–54. (in Russ.)
23. Lebina, N.B., 2024. Khrushchyovka: sovetskoe i nesovetskoe v prostranstve povsednevnosti [Khrushchev apartment building: Soviet and non-Soviet in the space of everyday life]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
24. Lotman, Yu.M., 1996. Vnutrimyslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside the thinking worlds. Human being. Text. Semiosphere. History]. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury. (in Russ.)
25. Moiseeva, L.A. and Vashchuk, A.S., 2006. Istoriya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse XX – nachale XXI v. [The history of entrepreneurship in the Russian Far East in the late XXth – early XXIst centuries]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)
26. Motrich, E.L. and Naiden, S.N., 2009. Naselenie i sotsial'noe razvitiye rossiiskogo Dal'nego Vostoka [Population and social development of the Russian Far East], *Prostranstvennaya ekonomika*, no. 2, pp. 47–67. (in Russ.)
27. Nikitkin, P.M., 2015. Russkii bereg [Russian coast]. Blagoveshchensk: Odeon. (in Russ.)
28. Larin, V.L. and Vashchuk, A.S. eds., 2016. Obshchestvo i vlast' na rossiiskom Dal'nem Vostoke v 1960–1991 gg. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5) [The history of the Russian Far East. Vol. 3. Book 5. Society and power in the Russian Far East, 1960–1991]. Vladivostok: IIAE DVO RAN. (in Russ.)
29. Partyka, K.A., 2009. Proezhii [A passerby]. URL: <http://www.proza.ru/2009/07/21/203> (in Russ.)
30. Chubais, A.B. ed., 1999. Privatizatsiya po-rossiiski [Privatization Russian way]. Moskva: Vagrius. (in Russ.)
31. Pchvolkin, A.A., 2000. Nepogod': stikhi perestroichnykh let [Bad weather: poems of the Perestroika years]. Magadan: MAOBTI. (in Russ.)
32. Rasputin, K.V., 2009. Stradaniya po avtomobilu [Suffering for automobile], *Dal'nii Vostok*, no. 6, pp. 226–229. (in Russ.)
33. Semchenko, N.V., 2015. Shotlandskaya lyubov' po-frantsuzski [Scottish love in French]. Izdatel'skie resheniya. (in Russ.)
34. Simonyan, R.Kh., 2013. Rossiiskie ekonomicheskie reformy 1990-kh gg.: psikhologicheskie aspekty [Russian economic reforms of the 1990s: psychological aspects], *Psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 34, no. 3, pp. 60–71. (in Russ.)
35. Sokolov, A.K., 1999. Sotsial'naya istoriya Rossii noveishego vremeni: problemy metodologii i istochnikovedeniya [Social history of modern Russia: the issues of methodology and source studies]. In: *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 1998/1999*. Moskva: ROSSPEN, 1999, pp. 39–76. (in Russ.)
36. Sukachev, V.V., 2005. Izbrannye rasskazy [Selected stories]. Khabarovsk: Dal'nii Vostok. (in Russ.)
37. Tobolyak, A.S., 1994. Denezhnaya istoriya [Money story], *Dal'nii Vostok*, no. 10, pp. 81–163. (in Russ.)
38. Ukaz Prezidenta RF ot 14.08.1992 № 914 «O vvedenii v deistvie sistemy privatizatsionnykh chekov v Rossiiskoi Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 914 «On

introducing a system of privatization checks in the Russian Federation» of 14.08.1992]. URL: <https://bazanpa.ru/prezident-rf-ukaz-n914-ot14081992-h181848/?ysclid=lscpj7qzm5735307824> (in Russ.)

39. Fateev, V.M., 2003. Zolotaya mol' [The golden moth]. Magadan: MAOBTI. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 27.02.2024;
рекомендована к печати 13.05.2024*

